

**Тер-Макарьян, А. Поэт Михаил Шолохов // Литературная Россия. – 2005.
– 20 мая**

Назвать поэтом гениального русского прозаика «подказали» фолианты литературоведов, которые упорно гадали, с красными или белыми останется Григорий Мелехов. Хотя создатель «Тихого Дона» вряд ли ставил такую задачу. Он нарисовал правду «яростного и жестокого мира», не обращая внимания на политическую конъюнктуру. И правды добился, взяв на вооружение могучее оружие — образы, метафоры, сравнения. На каждой странице они сверкают, переливаются, как золотые россыпи...

За два с половиной тысячелетия можно пересчитать величайших писателей, ведущих свою творческую родословную от Библии и Гомера. Они оставили нам в наследство не историческую прозу, а мифологическое поэтическое воззрение. В России — это, по моему, Гоголь и Шолохов. (Любопытно, что единят их и национальные корни. Михаил Александрович по матери — украинец.) Несмотря на столетнюю «пропасть» во времени, чувствуется прочная связь. Вспомним хрестоматийное: «Чуден Днепр при тихой погоде». Вслушайтесь: не напоминает ли ритмический рисунок музыкальную похожесть начального запева «Тихого Дона»: «Мелеховский двор — на самом краю хутора». Яркая художественная палитра Михаила Шолохова настолько густо насыщена самобытными красками, что его творчество можно смело поставить в ряд с гениальными поэтами. Даже через век шолоховская фраза «на полу — перерезанная дрёма лунного света», как и другая: «В окно ложилась вязанка лучей закатного солнца. Розовый, с желтизной, лежал на полу квадрат», перекликается с державинской:

На тёмно-голубом эфире

Златая плавала луна.

...Сквозь окна дом мой освещала

И палевым своим лучом

Златые стёкла рисовала

На лаковом полу моём...

Дважды (подчёркиваю!), видимо для усиления неповторимого облика героя, Шолохов выводит: «Курчавый обыневший чуб его висел из-под надетой папахи белой виноградной кистью...»

Во втором томе через много страниц удачно найденный образ повторяется: «Легла рядом, нетерпеливо отвела со лба тяжёлую, как кисть винограда, прядь волос, блеснула дымящимся синеватым огоньком глаз...»

Как настоящий писатель, Михаил Александрович испытал благотворное влияние народного фольклора. Примером может послужить свидание Григория и Аксиньи: «Распахнутые опущенные полы донской шубы обвилились вокруг Григория, как хмель вокруг дуба» — почти песенное: «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться!»

Кто сомневается, что глаза человека — зеркало души, может убедиться, прочитав: «Серое лицо её потёрлось от слёз, будто давнишняя хожалая монета, и желтело оно, мутное и жалкое, с кондобинами пустых налитых слезами глаз...»

Можно только удивляться фантазии автора, черпавшего из сокровищницы русского языка великолепные эпитеты: «Священник буравил его угрюмыми, цвета камня-самородка, глазами», «Митька... нащурился на Дарью зелёные, камышовые глаза», «обежал рисунок расторопно-мышаштыми глазами», «Подтёлков проворней заворочал картечинами глаз», «Ореховые глаза приняли шоколадный оттенок», «...если бы не большие сильные глаза, диковинно красившие всю её (об Анне Погудко), «похабничая светлыми, как родниковая вода, глазами», «зелёными кошачьими глазами, масляно блестел...», «злобно обгрызая глазами крутой отцовский затылок», «Григорий углом переламывает левую бровь и неожиданно открывает горячие свои нерусские глаза...» Надеюсь, убедил!

Шолоховские метафоры служат одному — правдивому отображению казачьего уклада. «Время заплетало дни, как ветер конскую гриву». Человек, хлебнувший вдоволь горя, невольно становится «на самом деле одинок как часовня».

Природа из-под пера Шолохова как бы переходит в скромную бытовую плоскость: «жёлтым кружевом на зелёном подоле волны змеилась пена», как и обыкновенное житейское «переплавляется»: «над степью наборным казачьим поясом-чеканом лежал перепоясавший небо Млечный путь». Даже хочется воскликнуть: «Вот это да! Как близко к лермонтовскому: «И звезда с звездою говорит»!

Автор «Тихого Дона» частенько эксплуатирует (использует) однажды найденный им образ: «над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры седой безголовой гадюкой...» Или «...свисая с руки, гадюкой волочился сзади витой арапник», «Густая колонна войск. Она протянулась через Дон жирной чёрной гадюкой, извиваясь, поползла на Аксай». Это не от бедности, а скорее всего из-за стремления найти разный оттенок в повествовании. Я привёл малую толику наглядных примеров из романа-эпопеи «Тихий Дон», показывающих взаимное проникновение прозы в поэзию. Будущим исследователям рекомендую продолжить эту работу. А я смело утверждаю: Михаил Александрович Шолохов — великий русский поэт.